

УДК 272.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-62-71

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВЕДИВШИЕСЯ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Никонов В. В.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение и анализ агитационной антирелигиозной работы, проводимой властями в первые послереволюционные годы на территории Московской губернии.

Процедура и методы. Статья представляет собой публикацию и анализ архивных источников, выявленных, обработанных и интерпретированных автором в процессе работы по теме взаимоотношений государства и Церкви в СССР.

Результаты. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что к антирелигиозным мероприятиям, организуемым в первые годы советской власти и широко распространённым в уездах Московской губернии, следует отнести: устройство многочисленных встреч с агитаторами и распространителями политической литературы; назначение обязательных к посещению агитационно-пропагандистских мероприятий на воскресные дни; организацию коштунственных представлений, пародирующих церковные таинства и обряды, а также некоторые показательно-репрессивные меры: наложение взысканий и исключение из рядов РКП(б) за участие в религиозных обрядах, публичное обсуждение внутрисемейных дел и пр. Показано, что усилия, направленные на отвращение верующих от Церкви, как правило, своей цели не достигали, а находили поддержку лишь у люмпенизированной части населения, в принципе не являвшейся носителем православных традиций и устоев.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты, полученные в ходе работы, могут быть использованы в преподавательской деятельности по дисциплинам, связанными с изучением истории Церкви и Подмосковья.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, Бронницкий уезд, Московская губерния, Православная Российская Церковь, религиозные обряды, репрессии против Церкви

ANTI-RELIGIOUS EVENTS IN THE MOSCOW PROVINCE IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

V. Nikonov

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya ploshch. 6, Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to review and analyze the anti-religious propaganda work carried out by the authorities in the first post-revolutionary years on the territory of the Moscow province.

Methodology. The article is a publication and analysis of archival sources identified, processed and interpreted by the author in the course of study on the topic of relations between the state and the Church in the USSR.

Results. The analysis of archival materials allows us to conclude that the anti-religious events organized in the early years of Soviet power and widespread in the counties of the Moscow province should include the following: the arrangement of numerous meetings with agitators and distributors of political literature; the appointment of mandatory agitation and propaganda events on Sundays; the organization of blasphemous performances mocking church sacraments and rituals, as well as some demonstrative and repressive measures, such as the imposition of penalties and exclusion from the ranks of the RCP(b) for participation in religious rites, public discussion of family affairs, etc. It is shown that the efforts aimed at turning believers away from the Church, as a rule, did not achieve their goal, but found support only from the lumpenized part of the population, which was not a carrier of Orthodox traditions and foundations.

Research implications. The results obtained during the work on the article can be used in teaching activities in disciplines related to the study of the history of the Church and the Moscow region.

Keywords: Anti-religious policy, Bronnitsky district, Moscow province, Orthodox Russian Church, religious rites, repressions against the Church

Введение

Обработка общественного мнения в антирелигиозном направлении резко усилилась сразу после 1917 г., хотя разрушительная антицерковная деятельность проводилась заинтересованными кругами в Российской империи задолго до октябрьской катастрофы, к которой в значительной степени и привела. Задолго до прихода большевиков к власти в обществе формировалось пренебрежительное отношение к религии, и верующие люди, открыто исповедовавшие православие, часто слышали в свой адрес ироничные высказывания, а иногда терпели откровенно грубые выпады. На тему постепенного, искусственно инспирированного разрушения религиозного чувства в России в конце XIX – начале XX вв. написано достаточное число научных трудов, а художественная литература того времени наполнена многочисленными выразительными примерами. Но если до 1917 г. антирелигиозная деятельность определённых кругов маскировалась различными лозунгами и декорациями либерального толка, то после революции она стала государственной программой. Советская власть безошибочно определила Церковь как одного из главных врагов и все долгие десятилетия своего существования с переменным успехом с ней боролась.

Следует отметить, что на первом этапе у большевиков не было стратегически

выработанного плана идеологической войны против Церкви, и все их действия носили характер спонтанных атак на её служителей и наиболее активных верующих мирян. Однако довольно скоро властями была осознана необходимость борьбы за настроения населения иными методами помимо устрашения и террора, хотя именно устрашение и террор на многие годы останутся основными инструментами управления «народной массой». При этом первые попытки антирелигиозной пропаганды начинают предприниматься уже с конца 1917 г. Вначале она не выделялась в самостоятельную агитационную работу, а велась в рамках общей политической обработки, когда наскоро обученный лектор направлялся на заводы, фабрики, в деревни, где объяснял рабочим и крестьянам ценности завоеванной для них свободы, призывал всячески поддерживать новую власть и распространял соответствующую литературу, в т. ч. и антирелигиозную. Местом таких встреч в городах были, как правило, заводские цеха, а на селе часто вообще приходилось агитировать под открытым небом [5, с. 93].

Организация антирелигиозных мероприятий

Для увеличения посещаемости подобных мероприятий в Московской губернии нашли оригинальный выход – перенести

их в чайные. В сентябре 1918 г. состоялось очередное заседание Бронницкого уездного районного комитета РКП(б), на котором, вероятно, в преддверии наступления холодного сезона обсуждался вопрос о необходимости открытия в деревнях на месте «бывших кулацких – советских чайных ...», где будет возможно вести агитацию среди несознательных граждан и распространять политическую литературу. Постановили: Где представляется возможность открыть советские чайные и клубы, а Совнархозу озаботиться поспособствовать в средствах»¹. В протоколе не указывалось, чем «бывшие кулацкие» чайные принципиально отличались от «новых советских». На том же заседании был составлен список «товарищей, умеющих выступать на митингах». Надо полагать, что число агитаторов, регулярно присылаемых из Москвы в губернию, уже в 1918 г. было признано недостаточным.

15 августа 1919 г. на очередном заседании районного комитета РКП(б) был зачитан доклад Московского губкома, целиком посвящённый «вопросам религии»². По итогам обсуждения доклада в Бронницах впервые принимается решение о том, чтобы вменить в обязанность всем коммунистам вести антирелигиозную пропаганду среди населения. При этом в протоколе не разъяснялось, как и где проводить такую работу, из чего можно сделать вывод, что коммунистам она предписывалась не только на собраниях, но и в быту. Через несколько дней, 28 августа, в Бронницах был заслушан доклад «О дне советской пропаганды», после чего состоялся митинг под названием «Культурная задача коммунистической партии», в рамках которого было принято решение о создании местного комитета «по

устройству дня советской пропаганды». Таким днём решили сделать воскресенье, когда верующие традиционно посещают храмы. Сделано это было, разумеется, не случайно, т. к. воскресный день именно в силу своего религиозного значения представлял определённую проблему для советских идеологов [7]. Вновь созданному комитету было поручено «войти в контакт с культурно-просветительскими организациями и написать статью в газету “Известия”»³. Таким образом, можно говорить о том, что с августа 1919 г. в Бронницком уезде официально началась пропагандистская работа. Неслучайно и то, что именно в этот период на одном из июльских собраний Бронницкой уездной парторганизации единогласно было принято решение о «выделении 30 000 руб. на приобретение бюстов тов. Ленина и К. Маркса для последующей установки их на улицах»⁴.

Итак, с августа 1919 г., согласно партийной дисциплине, коммунисты Бронницкого уезда приступили к антирелигиозной работе, однако уже в начале октября в местном Совдепе поняли, что своими силами им не справиться. Местные жители, поколениями воспитывавшиеся в православной традиции, никак не желали менять свои убеждения в угоду настроениям новой власти. Тогда было принято решение просить вышестоящее руководство о командировании в Бронницы «лектора по религиозному вопросу с тем, чтобы члены ячейки хорошо ознакомились с этим вопросом и могли вести антирелигиозную пропаганду среди населения Бронницкого уезда»⁵.

¹ Протокол заседания Бронницкого Уездного Районного комитета РКП(б). 14/9–18 года. 14 сентября 1918 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 2. Л. 18. об.

² Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б)/ 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 15 августа 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

³ Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б)/ 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 28 августа 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.

⁴ Протокол заседания Бронницкого УКОМа. 18 июля 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

⁵ Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б)/ 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 4 октября 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

Весной 1922 г. производилось изъятие церковных ценностей. Однако подготовку общественного мнения к целенаправленному ограблению храмов власти начали раньше – ещё в 1921 г. В данный период все ораторы так часто старались включить в свои выступления пассажи об антирелигиозной работе, что это постепенно становилось общим моментом. Чему бы ни была посвящена речь очередного трибуна, в ней всегда находилось место словам о необходимости усиления борьбы с «религиозным дурманом» и «поповским мракобесием».

Летом 1921 г. в Бронницах состоялась уездная партийная конференция РКП(б), где выступали руководители волостных ячеек. Все как один касались политико-просветительской и антирелигиозной деятельности, которые, по их общему мнению, развиты в уезде недостаточно. Местным партийным ячейкам вменялось в обязанность на каждом собрании ставить в повестку дня антирелигиозные вопросы. Кроме того, докладчики призывали с повышенным вниманием относиться к биографиям вступающих в партию, особенно к так называемым интеллигентам, а также и к рекомендуемым. Особое внимание было уделено воспитанию подрастающего поколения. По итогам работы конференции приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Каждый член партии обязан воспитывать своих детей в духе коммунизма и вести неустанную борьбу с религиозными и прочими предрассудками, прежде всего, в своей семье и в окружающей его среде»¹.

Хотя до кампании по изъятию церковных ценностей было ещё более полугода, на конференции обсуждался также вопрос помощи голодающим, ведь голод в Поволжье уже начался. Сквозь сухие строчки резолюции явственно проступают истинные цели большевиков в этой трагедии. Каким же образом коммуни-

сты Бронницкого уезда планировали помогать голодающим? Оказывается, что «по итогам доклада уездной комиссии помощи голодающим (которая уже была организована – В. Н.) постановили: «Установить один день в неделю, а именно, воскресенье, днём помощи голодающим, для чего проводить митинги, беседы, собрания, делать сборы, устраивать спектакли, концерты, а также организовывать воскресники в пользу голодающих»². Таким образом, задолго до изъятия церковных ценностей власти начали приучать население к тому, что в воскресенье – в день, когда верующие привыкли ходить в храм, – будет организовано еженедельное развлечение: спектакли, концерты, беседы. И всё это под вполне понятным лозунгом помощи голодающим. За несколько месяцев такая практика войдет в привычку, и когда весной следующего 1922 г. в приходские церкви уверенно, похозяйски, войдут уполномоченные под защитой вооружённых красноармейцев, граждане в абсолютном большинстве случаев безропотно отдадут накопленное столетиями церковное имущество.

Партии вторил комсомол. В архиве сохранились тезисы к докладу безымянного оратора на 17-й Бронницкой уездной конференции РКСМ под названием «Задачи комсомола в деревне». В целом доклад вполне содержательный, и с большинством его положений, касающихся вопросов физического воспитания молодёжи, организации производительного труда и досуга, нельзя не согласиться. Однако весь доклад строится не просто на противопоставлении старых форм труда и отдыха и новых, советских, но на отрицании их духовного и религиозного содержания. «Опыт массовых гуляний молодёжи, имеющийся в уезде, должен в предстоящее лето развернуться ещё шире. Массовые гуляния должны организовываться на здоровых видах развлечений, отвлекающих молодёжь от старых бытовых привычек, которыми было за-

¹ Протокол Бронницкой уездной конференции РКП(б). 1921 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

² Там же. Л. 5 об.

полнено содержание гуляний в старые бытовые праздники». И далее: «Антирелигиозная пропаганда должна принять систематический характер. В противовес религиозным праздникам и сопровождающему их пьяному разгулу, противопоставить трудовые и антирелигиозные праздники. Также антирелигиозная работа должна быть направлена против сектантского движения»¹.

В ряду антирелигиозных мероприятий нельзя не упомянуть и такие два мощных инструмента идеологического воздействия, какими были пресса и кинематограф [3]. Если кино в Московской губернии стало массово демонстрироваться на рубеже 1920–1930-х гг., то газетами уезды снабжались с первых лет советской власти, больше того, в Бронницком уезде уже с 1918 г. выпускалась своя газета. Визуальная же пропаганда раскрывалась в виде обширного пласта разнообразных религиозных изданий, таких, как «Безбожник у станка» [8].

Показательно-репрессивные меры

Антирелигиозная пропагандистская кампания набирала обороты, и уже с конца 1919 г. в протоколах Бронницкого УКОМа начинают появляться сведения о наказаниях членов партии, участвовавших в религиозных обрядах или просто допустивших участие в таких обрядах членов своей семьи. Так, в феврале 1920 г. обсуждалось недопустимое поведение народного судьи одного из подрайонов Бронницкого уезда Смирнова, ребёнка которого незадолго до этого крестили. Руководствуясь насаждаемыми сверху настроениями, партийные товарищи вынесли решение не только сместить Смирнова с занимаемой должности, но и исключить его из партии, переведя в кандидаты. Вызванный 6 февраля 1920 г. на заседание райкома Смирнов рассказал, что у него действительно родился сын и

его в самом деле крестили в церкви. Но произошло это, по словам Смирнова, в его отсутствие, без его согласия и вопреки его желанию, а исключительно по инициативе жены. В качестве оправдания Смирнов поведал про договорённость, которая якобы была у них с женой, что если родится мальчик, то крестить его не будут, а если девочка, то решение представляется «на расположение жены». Однако жена его обманула, а «насилие применять он не мог». Сегодня это может показаться странным, но «объяснение Смирнова как коммуниста было признано Бюро вполне удовлетворительным, однако окончательное решение оставалось за ячейкой района». Районные коммунисты оказались более принципиальными, и Смирнова всё-таки отстранили от должности и перевели в кандидаты². Случай с судьёй Смирновым стал одним из первых в длинном ряду подобных в Бронницком уезде. В дальнейшем такие показательные проработки устраивались всё чаще и, как правило, заканчивались исключением из партии. Этим властью достигалась одновременно две цели: во-первых, устрашение тех, кто смел публично исповедовать свои религиозные убеждения, а во-вторых, формирование отношения к таким людям среди односельчан как к изгоям, отвергнутым обществом.

В январе 1921 г. состоялось очередное общее собрание членов и кандидатов РКП Запасного пулемётного батальона, сформированного в Бронницах, на котором слушалось «дело о венчании в церкви члена партии тов. Хлебалина». Недолго думая, партийцы исключили Хлебалина из своих рядов, даже не внося его объяснения в протокол. Уже собирались переходить к следующему пункту повестки дня, как вдруг слово попросил принципиальный коммунист Морозов,

¹ Протоколы заседаний Бюро Бронницкого УКОМа с материалом. 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДО-ПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.

² Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б) 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 6 февраля 1920 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДО-ПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 134 об.

объявивший, что среди участников собрания присутствует коммунист Кашцев, в отношении которого «циркулируют слухи о том, что он, подобно исключённому Хлебалину, тоже венчался церковным браком». Обращаясь к Кашцеву, Морозов потребовал ответить, оправданны ли эти слухи, которые обвиняемый подтвердил. После этого собрание единодушно постановило исключить из партии и Кашцева, хотя изначально его дела даже не было в повестке дня¹. Такого рода партийные проработки в начале 1920-х гг. фиксируются на страницах протоколов весьма часто, причём санкции к коммунистам применялись в т. ч. и за «проступки», совершённые ими не только после, но и до вступления в партию.

В рассматриваемый период исключения из партии с последующим восстановлением в её рядах производились постоянно. Существовал обширный список проступков, за которые партийцы могли лишиться билета. В их числе в протоколах фигурируют чаще всего пьянство, рукоприкладство, мародёрство, воровство и даже насилие. Но если провинившийся калялся, то чаще всего в партии его восстанавливали довольно быстро.

Иная практика складывалась в случае участия члена РКП в религиозных обрядах. Для исключённых по этой причине процесс восстановления был значительно усложнён. Типичную для того времени ситуацию можно увидеть в протоколе заседания Президиума Бронницкого уездного партийного комитета от 26 июля 1922 г.: «Слушали: Заявление гр. Пичина о принятии его в кандидаты, исключённого за религиозный обряд. Постановили: Постановление Быковского Волкома о неприятии Пичина в партию утвердить»².

¹ Протокол № 4 Общего собрания членов и кандидатов РКП. батальонного объединения отдельного Запасного Пулеметного Батальона. 26 января 1921 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

² Протокол заседания Президиума Бронницкого УК РКП. 26 июля 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 74. Л. 46.

Надо ли говорить, что в начале 1920-х гг. членство в партии постепенно становилось своего рода «охранной грамотой», и исключённые стремились как можно скорее восстановиться в её рядах.

Нападки на церковные таинства и обряды

Документы свидетельствуют о том, что, если властям представлялась возможность заменить православное таинство революционной пародией, они не сомневались и не скупились: «Слушали... выписку из протокола собрания Троицко-Лобановской ячейки о коммунистических крестинах. Постановили: Отпустить из средств УКОМа 10 рублей золотом»³. Сумма для 1924 г. внушительная.

Дело иногда доходило до абсурда. В мае 1925 г. заседала ячейка РКП(б) Усмерской волости Бронницкого уезда: «Слушали: Заявление тов. Булдина С. Т. с просьбой оказать содействие по смерти его, тов. Булдина, похоронить его гражданскими (революционными) похоронами. Постановили: Поручить тов. Сорокину С. Я. и Теренину договориться с семьей тов. Булдина в случае смерти тов. Булдина, будет ли семья возражать и настаивать на церковных похоронах»⁴. Другими словами, ещё при жизни некоего Булдина местная партийная ячейка поручает своим членам, наверняка его односельчанам, провести переговоры с семьёй живого(!) человека о том, каким именно образом того похоронить. Очевидно, что из этих похорон большевики пожелали бы сделать показательный акт. Целью было вытеснить из сознания людей глубокий смысл христианского обряда.

Происходили и вполне драматичные события, показывающие, насколько трав-

³ Протокол № 4 Заседания Бронницкого УКОМа РКП от 29 января 1924 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

⁴ Протокол 43 заседания ячейки РКП Усмерской волости. 21 мая 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 112. Л. 28.

мирующим и разлагающим оказывалось влияние антирелигиозной политики. В 1928 г. на пленуме Раменского волостного комитета обсуждалось поведение некоей Шевальяновой, которая, по свидетельству очевидцев, «совершила религиозный обряд похорон матери и участвовала в нём. Пленум постановил: вследствие того, что факт участия Шевальяновой в похоронах не подтвердился, вопрос считать исчерпанным»¹. Сегодня трудно установить, что же именно произошло на этом пленуме и как могло случиться, что Шевальянова не понесла наказания. Она и в самом деле не стала хоронить похристиански свою мать? Наверняка женщину православного вероисповедания. Или же, похоронив её, как и следовало, потом вынуждена была публично отказаться от сделанного?

На территории соседних с Бронницким уездов – Коломенского и, главным образом, Богородского и Егорьевского – традиционно высоким был процент старообрядческого населения. Связано это было с тем, что в период гонений XVII и XVIII вв. сюда бежали приверженцы старой веры и образовывали здесь локальные поселения. По прошествии времени и в результате дореволюционных реформ к началу XX в. в восточном Подмосковье мирно сосуществовали и православные, и старообрядческие, и единоверческие храмы. Желая внести раскол в Церковь, большевики всеми способами стремились возобновить существовавший прежде антагонизм, о чём свидетельствует протокол съезда секретарей сельских партийных ячеек Бронницкого уезда, состоявшегося 2 января 1923 г.: «Слушали: О расколе в церкви (тов. Кирсанов) говорит, что основа религии – церковь, а головка церкви – духовенство. Часть его пытается приспособиться к теперешним государственным порядкам, и что среди

них раскол, который нам необходимо использовать, разоблачая их манёвры. Посвящая во все подробности раскола, докладчик предлагает при всяком случае вести антирелигиозную пропаганду. Постановили: Признавая всякое религиозное учение, под какими бы оно лозунгами не проводилось, одинаково вредным для трудящихся масс; начавшийся раскол в церкви необходимо использовать в борьбе с религиозными предрассудками как удобный момент. Агитацию и пропаганду против духовенства и церкви признавать ударной партработой, которую должен вести каждый член и кандидат РКП, как групповую, так и индивидуальную»².

Важной составляющей антирелигиозной работы в начале 1920-х гг. становится тиражирование материалов о священниках-рenegатах, оставивших служение или ушедших в обновленческий раскол [1].

С 1921 г. усиливается пропаганда новых праздников, заменяющих религиозные или наполняющая их новым «революционным» содержанием [4]. Так, ещё одной формой антирелигиозной работы, которая активно использовалась в СССР в начале 1920-х гг., были кощунственные пародии на главные христианские праздники – Пасху и Рождество Христово, которые особенно активно насаждались там, где пропаганда не давала ожидаемых результатов. К таким местностям, безусловно, относились Гжельская и Карповская волости Бронницкого и Богородского уездов, знаменитые своим народным промыслом. Гжельская округа до реформы 1861 г. находилась в составе Удельного ведомства и, таким образом, избежала всей тяжести крепостничества, в силу чего, возможно, населялась людьми исторически более свободными, нежели их ближайшие соседи.

На территории бытования Гжельского промысла располагалось 5 храмов, и они не пустовали. Здесь же в 1918 г. была

¹ Протоколы заседаний пленума и бюро Раменского волкома за 1928 г. Заседание 11 августа 1928 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

² Протокол № 5 съезда секретарей ячеек и сельских ячеек Бронницкого уезда. 2 января 1923 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

открыта Гжельская керамическая школа для обучения мастерству детей местных кустарей. Для работы в школе были приглашены высококвалифицированные преподаватели из Москвы, в чьи обязанности входила также работа в расположенной неподалеку избе-читальне. Здесь сотрудники школы, занимавшиеся ликбезом, вели также целый ряд предметов, включая арифметику, физику, рисование, астрономию, литературу, санитарию и гигиену. Существовал даже драматический кружок [2, с. 179–185]. Сведения об этом сохранились в многочисленных отчётах, которые отправляла своему руководству директор Гжельской школы П. Г. Алешина. В отчёте «Об общественной работе» за 1924 г. после перечня работ читаем следующие строки: «...Такова работа педагогов нашей школы, работа, за которую со стороны местного крестьянства школа слышит одобрение. Кроме того, в наступающем Комсомольском Рождестве, организация которого будет вынесена в крестьянскую среду, педагоги нашей школы примут также активное участие, план которого уже имеется»¹.

В ряду мероприятий, организованных преподавателями Гжельской школы, П. Г. Алешина упомянула «комсомольское рождество», которое устраивалось с попустительством властей с начала 1920-х гг. и представляло собой пародийные представления, грубо высмеивавшие главные христианские праздники – Рождество и Пасху. Анализ фактов показывает, что такие формы антирелигиозной кампании организовывались «в ходе тесного взаимодействия РКП(б) и РКСМ и проходили под их непосредственным руководством» [9].

Выглядело это следующим образом: комсомольские ячейки должны были организовывать празднование «комсомольских святок» в первый день Рождества, т. е. 25 декабря, которое было объ-

явлено нерабочим днём. Мероприятия начинались чтением докладов и речей, разоблачающих «экономические корни» рождественских праздников. Потом шли спектакли и инсценировки, показывались политические сатиры, «живые картины». На второй день праздника организовывались уличные шествия, на третий – в клубах устраивались маскарады и ёлка, получившая название «комсомольская ёлка». Участники ёлочных карнавалов (в основном из комсомольцев-пропагандистов) рядились в самые невообразимые сатирические костюмы: Антанты, Колчака, Деникина, кулака, нэпмана, в языческих богов и даже в рождественского гуся и поросенка. Проводились шествия с факелами и сожжением «божественных изображений» (т. е. икон – В. Н.).

Подобные мероприятия организовывались и в других волостях Бронницкого уезда, но пример с Гжелью наиболее показателен, т. к. здесь в качестве исполнителей и участников кощунственного действия по распоряжению свыше выступали пользовавшиеся большим авторитетом местных жителей преподаватели наиболее крупного просветительского центра округа – Гжельской керамической школы [2, с. 179–185]. Следует отметить, что, несмотря на то, что такие акции являлись глумлением над чувствами верующих, сведений о конфликтах, которые бы возникали на этой почве в Московской губернии, автору обнаружить не удалось. Подобная тенденция отмечается и в других регионах [6].

Следует сказать, что такого рода антирелигиозные мероприятия не пользовались успехом и, скорее, достигали целей, обратных поставленным. Не только верующие, но и те, кто по разным причинам отошёл от Церкви, не поддерживали такого откровенного глумления над религиозными праздниками. Комсомольские пасха и рождество проходили в атмосфере натянутости, по сценариям, присланным «из губернии», и привлекали в основном люмпенизированную, опустив-

¹ Доклад об общественной работе педагогов Гжельской Керамической школы от 22.12.1924 // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 883.

шуюся часть жителей уезда, падкую на примитивные зрелища и всегда ищущую возможности развлечься. Тем не менее ежегодно Бронницкий уездный партком требовал от волостей проведения очередных мероприятий подобного рода, и это продолжалось до 1930-х гг.

Заключение

Анализ документов, раскрывающих механизм антирелигиозной кампании, перманентно проводившейся в сельских местностях Московской губернии, позволяет сделать вывод о том, что, хотя в начале 1920-х гг. антирелигиозная политика

властей становилась всё более репрессивной по своей сути (о чём свидетельствуют многочисленные факты исключения из партии тех, кто был уличён в участии в религиозных обрядах, попытки наступления на церковный календарь и кощунственные манифестации, прямо направленные на оскорбление религиозного чувства верующих), в целом сельское население продолжало сохранять привычный жизненный уклад, глубоко проникнутый православной традицией и интегрированный с церковным годовым циклом.

Дата поступления в редакцию 09.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорош А. А. Образ православного священнослужителя-рenegата в советской антирелигиозной пропаганде в 1922–1923 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3 (68). С. 57–63.
2. Илькевич Б. В., Никонов В. В. Художественно-промышленное образование в Гжели. 1899–1937 гг. Гжель: ГГХПИ, 2014. 352 с.
3. Карлявина А. И. Антирелигиозный кинематограф в советской пропаганде 1920-х годов. // Артикальт. 2019. № 3 (35). С. 97–104.
4. Катаев Е. А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере прессы Царицынской губернии) // Труды Белгородской православной духовной семинарии. 2017. № 6. С. 149–156.
5. Никонов В. В., Ушатова Н. П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель: ГГУ, 2016. 616 с.
6. Табунщикова Л. В. «Комсомольское рождество» 1923 года в Донской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3. Ч. 2. С. 176–179.
7. Уфимцева Е. И. Практики атеистической социализации в контексте формирования советского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология, политология. 2018. № 2. С. 133–139.
8. Федосов Е. А. Диалектика сакрального в советской визуальной пропаганде 1920–1960-х гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2018. № 81. С. 91–104.
9. Шмелев С. А. Красное «Комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 92–99.

REFERENCES

1. Dorosh A. A. [The image of an Orthodox priest-renegade in the Soviet anti-religious propaganda in 1922–1923]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2021, no. 3 (68), pp. 57–63.
2. Ilkevich B. V., Nikonov V. V. *Khudozhestvenno-promyshlennoe obrazovanie v Gzheli. 1899–1937 gg.* [Industrial art education in Gzhel. 1899–1937]. Gzhel, GGKHPI Publ., 2014. 352 p.
3. Karliavina A. I. [Anti-religious movies in Soviet propaganda in 1920-s.]. In: *Artikult* [Articult], 2019, no. 3 (35), pp. 97–104.
4. Kataev E. A. [The struggle against Orthodox feasts in the 20-s of the XX century (on the example of the press of Tsaritsyn province)]. In: *Trudy Belgorodskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii* [Works of the Belgorod Orthodox Theological Seminary], 2017, no. 6, pp. 149–156.

5. Nikonov V. V., Ushatova N. P. *Za Khrista preterpevshie. Tserkov' i politicheskie repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo raiona Moskovskoi oblasti. T. 1. Ramenskaya volost* [Suffered for Christ. Church and political repressions of the 1920s–1950s on the territory of the Ramensky district of the Moscow region. Vol. 1. Ramenskaya volost]. Gzhel, GGU Publ., 2016. 616 p.
6. Tabunshchikova L. V. [«Komsomol Christmas» of 1923 in the Don region]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice], 2016, no. 3, iss. 2, pp. 176–179.
7. Ufimceva E. I. [Practices of atheistic socialization in the context of the formation of Soviet society]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Sotsiologiya, politologiya* [Izvestia of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology], 2018, no. 2, pp. 133–139.
8. Fedosov E. A. [Dialectics of the Sacred in Soviet Visual Propaganda of the 1920s–1960s]. In: *Vestnik pravoslavnoi Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History], 2018, no. 81, pp. 91–104.
9. Shmelev S. A. [The red «Komsomol Christmas» and the problem of creating a new life-style in the early 1920s.]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 3, pp. 92–99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никонов Вадим Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Nikonov – Cand. Sci. (Pedagogical), Assoc. Prof., Department of History and Organization of Archival Activities, Russian State University for the Humanities;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никонов В. В. Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 62–71.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-62-71

FOR CITATION

Nikonov V. V. Anti-religious events in the Moscow province in the early years of soviet power. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 62–71.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-62-71